

РУМЯНА ДАМЯНОВА

София

ПИСЬМА В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Период Болгарского Возрождения открывает новые перспективы для социально-политического и культурного утверждения.

Литература факта — дневники, автобиографии, письма, путевые записки и пр. — получает большое распространение. Для литературы этого типа характерно, что в ней в большей степени присутствует адресат, получатель литературной информации. Диалектическая связь творца литературы с получателем посредством самого творения — один из самых важных и значимых вопросов при анализе литературной культуры.

Акт социальной коммуникации, письма становятся необходимой формой общения в возрожденческий период. В процессе политического и культурного обособления они играют роль первоисточников во многих проявлениях заражающегося эстетического и художественного сознания, содержат жанрообразующие принципы утвердившихся позднее литературных форм.

*

*

*

Характеристика писем предопределяет анализ, идущий в двух направлениях: первое — рассмотрение писем в их функциональности, и второе — конкретизирование писем в жанровой системе болгарской возрожденческой литературы XIX века.

Самая общая характеристика письма — как часть риторики для письменного общения между людьми, которая дает возможность изложить мысли и идеи, приподнесенные в подходящей форме, установленной и канонизованной риторическими школами — сохраняется во все периоды развития общества, только прибавляются или отстраиваются более второстепенные, моделирующие формальную структуру

черты, изменяются некоторые из функций. Именно характер реальной переписки как „живой связи” между людьми отражает первичную, утилитарную функцию письма. Со своим тоном доверенности и откровенности, непосредственной передачей настроений и мыслей — письмо приобретает характер документа времени, в которое оно создано, становится иллюстрацией части духовной жизни пишущего. Стабильность эпистолярной формы, закреплённая нормативной эстетикой риторических трактатов о стиле в античности, сохраняет письмо в различные исторические периоды в качестве обособленной формы социального общения. Большую роль в характеристике писем играет личность адресанта, степень его искренности по отношению к адресату, индивидуальность мышления и, наличие или отсутствие, творческой инвенции в интерпретации фактов.

С другой стороны — что можно образно определить как „вторую жизнь” письма — превращение его в художественно-повествовательный прием, подчинение письма в его первичной функции законам фикции, художественной интерпретации. Или — использование содержательности эпистолярной формы, поскольку она является не только формальной конструкцией, но и возможностью для художественного выражения интимных моментов и настроений — для создания литературных произведений. Это есть момент преодоления „пороговой ситуации”, когда письмо из личной корреспонденции трансформируется в текст, организованный приемами художественной условности. В этом смысле романы и повести в форме письма, письма в композиции художественных произведений, образцы художественной публицистики (фельетоны, эссе, путевые записки, стихотворные послания и т.д.) отражают вторичную, художественно-моделирующую функцию писем.

Это своеобразное „раздвоение” письма раскрывает жизненность эпистолярной формы, ее устойчивость в историческом развитии (соблюдение этикета, традиционных формул), а также и ее гибкость и художественную функциональность¹.

Имплицитная сущность письма заключается в его разговорности, на что указывалось уже в самых ранних печатных болгарских письмовниках:

Прочее, както ся разговаряме лично, когато е нашият приятел настоящ при нас: също подобава и чрез списанного разговора, когато отсъствува он комуто писуваме².

¹ В этом смысле интересно проникновенное наблюдение Ст. Скварчинской: „A więc istny paradoks: list z jednej strony nie należy do literatury, z drugiej bywa zaliczany w swych konkretnych realizacjach nawet do arcydzieł literatury światowej”. [b:] *Pomiędzy historią a teorią literatury*, Warszawa 1975, str. 178.

² Славеноболгарский предручный ПОСЛАТЕЛНИК за наставление на Бол-

Подчеркивается истинность и аутентичность текста письма — письмо должно быть „истинным”, потому что это „разговор с отсутствующим приятелем”³.

Этот формулированный „разговор” раскрывает диалогическую связь в письме, которая характеризуется „наличием определенной общей памяти у адресанта и адресата”⁴ и которая именно сохраняет диалогический характер письма⁵. Часто письма, совершенно ясные для конкретного адресата, совсем непонятны постороннему читателю — поскольку он не может уловить наличие возможного „второго пласта” в отношениях корреспондентов. Ответы на незадаанные в данном письме вопросы открывают именно эту „общую память”, а постановка вопросов и подробные ответы на них являются риторическими приёмами, характерными для фиктивных писем. Это отграничивает действительные письма от т.н. псевдописьма, в которых достигнута максимальная полнота в отношении информации и яснота в ее передаче, письмо закончено с точки зрения содержания и формы.

Письмо в личной переписке носит функции интимного разговора. Но есть одна особенность, которая отличает диалогический характер письма от диалога (как функция речевого общения). Она состоит в том, что письмо-ответ на заданный вопрос (в письме) обдумывается пишущим в отличие от непосредственного диалога, который является в большей своей части спонтанным речевым актом. Есть допустимая степень спонтанности, необдуманности и в реакции адресанта, но перенос мысли на лист — это уже второй этап, ее материализация, т.е. она опосредствованна в ее непосредственном (на практике) восприятие адресатом.

В эпоху Болгарского Возрождения, а также после нее, болгарская литература не создала образцов классической „эпистолярной прозы”⁶. Понятие литература тождественно с понятием словесность, в его сферу

гарските юноши... первом преведен и сочинен на славеноболгарского и издан от Неофита архимандрита Хилендареца, Крагуевац, 1835.

³ *Писменник общеполезен на секаго единароднаго ми болгарина* (с. 4 ...Соченен според днешнийя писмописателски способ от Христати П. Дупничанина ...). В Белграде, 1835, с. VI.

⁴ Ю. Лотман. *Текст и структура аудитории*, [в:] *Труды по знаковым системам*, вып. 422, IX, Тарту, 1977, с. 56.

⁵ St. Skwarczyńska высказала интересную мысль а письме как: *Oscylacja pomiędzy dialogiem i monologiem*, цит. соч., с. 178.

⁶ Исключение составляет небольшое количество произведений периода после Освобождения, притом прежде всего путевых описаний. В эпоху Возрождения форма письма находит более широкое применение в художественной публицистике: письмо-фельетон, т.н. „открытие письма” и пр. В некоторых образцах возрожденческой прозы письмо получает сюжетную роль: напр. в романе *Ученик и благодетель* В. Друмева повествование разнообразят письма двух героев письмо пишет и Крестинка из повести *Злочеста Крестинка* Ил. Блыскова и др.

входят все виды словесной письменности — проповеди, трактаты, биографии, диалоги, дневники, письма. Письма из реальной переписки называются в письмовниках термином „письмо” или „послание”, в тоже время идут поиски эстетической характеристики письма как „письменного художества”, „бессметрного художества” и т.п. Основная функция письма коммуникативная — всякое письмо есть текст который носит информацию и визирует конкретного адресата, все равно индивидуального или коллективного; в этом состоит и активная социальная функция письма.

Характер писем как формы письменного общения обуславливает их первичную, утилитарную функцию как средство социальной коммуникации. В процессе писания письма адресат активно реаригует — принимает или отвергает полученную информацию, отвечая (или нет) своему корреспонденту, но выступая уже в функции адресанта, т.е. создается наслаивающаяся спиральная композиция, в основе которой лежит взаимная обусловленность. Или — всякой адресат, получатель данной информации в эпистолярной связи, является потенциальным адресантом, имплицитно содержащимся в тексте письма, автором. В этой самой первоначальной сфере реализации письменной ситуации, когда всякое письмо пишется для того, чтобы был получен ответ, этот ответ предполагает новый и т.д., этот самый низкий (но основной) пласт в одной воображаемой иерархии эпистолярной связи, дает основание говорить о монофункциональности письма. Репрезентативный анализ корреспонденции мог бы показать, что большой процент таких писем имеет осведомительный характер, это краткие деловые сообщения, которые не носят какой-то значительной информации для всякого другого читателя, находящегося за пределами эпистолярной ситуации.

Общепринято определять письма терминологично как „эпистолярный жанр”, „жанр письма” и пр. В силу молчаливого или явного предубеждения письма из реальной переписки, без всяких исключений, недифференцированно, определяются как жанр. Предпосылкой этого является распространенность и известность множества произведений в письмах в европейской литературе, в толковании которых применение термина „жанр” вполне обосновано.

Что касается писем личной переписки, они не смогут устоять перед требованием термина „жанр” как литературно-историческая категория. Имея ввиду принципы, констатирующие письмо как текст, а также и его ситуирование в эпоху Болгарского Возрождения XIX в, его социо-культурные функции, — лучше говорить о письме не как о жанре, а как о типе письменной словесности. Все еще оно является разновидностью письменной словесности, типом письменной речи, которая может носить в себе предчувствие будущей жанровой формации. В письме как типе письменной словес-

ности содержится потенциальная основа для появления жанрово-образующих принципов будущего произведения. Монофункциональность писем, установленная их характером почти только осведомительного текста, обособливает их в одну преджанровую письменную разновидность.

Появление определенной жанровой формации в письмах означает появление функции нового типа. Она вырастает из старой, надстраивается на нее как более высшая, дистанцируясь, но не порвав с ней, и, развиваясь, существует параллельно с первичной. Эта дистанция новой функции от старой утилитарной обуславливается степенью развития общественных отношений, появлением индивидуально-творческой визии на действительность, осмыслением ее пишущим и выражением самочувствия личности возрождения.

Так создается второй пласт в иерархии эпистолярной связи, который взаимодействуя с первым, существует параллельно с ним и порождает полифункциональность письма. Первичная функция письма как средства коммуникации сохраняется. Она распространяется на новые тематические территории, обогащается личностное присутствие в письмах, в ее развертывании достигается „множественности” адресата.

В этом процессе письма является заместителем публицистического проявлений, спонтанность как признак эпистолярного акта переносит в письма темперамент и энергию возрождающегося национального сознания. Письмо выходит из ограниченной сферы бытовой переписки, получает новые общественные и культурные задачи, приобретает значение фактора и движущей силы. Так письма иллюстрируют естественный процесс „открывания” эпистолярной формы перед активно хлынувшими темами, процесс, в котором ведущую роль играет возрожденческая личность.

В связи с переменой болгарских общественно-политических условий в XIX веке в переписках возрожденцев появляются темы, отвечающие историческому моменту. Создается определенная культурно-историческая ситуация, которая в значительной степени меняет мировоззрение человека эпохи Возрождения. В период перед введением болгарской печати в 40-ые годы века письма играли роль публицистики, они писались и распространялись с сознанием, что будут читаться многими людьми. Целую картину просветительского деяния первых десятилетий века можно найти в переписке Неофита Рыльского с многочисленными корреспондентами со всей страны. В исключительной обширной по объему корреспонденции Георгия С. Раковского нашли место вопросы национально-освободительной борьбы болгар первой половины века, отражены чувства и настроения болгарской интеллигенции, находящейся в эмиграции. Крупнейшая историческая фигура, Раковский объединял идеи и революционные на-

строения поколения борцов за свободу, давая в своих письмах и в своей публицистике выражение революционной идеологии.

Другая личность с богатым по объему и значению эпистолярным наследием — это Найден Геров — первый русский вице-консул в Пловдиве в прошлом веке. В его корреспонденции отражена атмосфера и рост Пловдива как видного политического и культурного центра прошлого века, значительные вопросы просвещения (он сам является автором многотомного словаря болгарского языка), его корреспонденты были видными людьми своего времени, общественными и политическими деятелями, учителями, творцами.

Призыв к созданию новоболгарского просвещения и образования подъем борьбы за духовную независимость и национальное самоопределение — наполняют корреспонденции. Большое влияние на ритм этого процесса оказало отсутствие болгарской печати в первой половине века, которая могла бы принять на себя публицистический (в самом общем значении этого понятия) порыв к высказыванию мыслей и мнений комментированию исторической обстановки. Так, и форма завладевает перепиской. Параллельно идет процесс личностного утверждения возрожденца, стабилизирование образования, выработка нормативной системы общественных отношений. Эти процессы прямо резонируют в содержании и форме писем.

Появляются письма носящие жанровую характеристику политического трактата или воззвания. В полемическом письме Райно Поповичу (2 IX 1839 г.) Васил Априлов с публицистической страстью защищает необходимость изучать болгарский язык:

Но не! Народите направиха това, което е изискувал техният здрав разсъдък: те се сдобиха със собствена книжнина, преведоха на своя език всичките елински съчинения, а по този начин те излязоха по-наяве и днес са по-образовани от елините. Тъй също трябва да постъпи и нашият народ тъй също трябва той да тръгне по същия път, по който са вървели всички други народи още от векове⁷.

Историческое время требует введения болгарского языка в училищах, создания новой программы для просветительского и культурного роста. В одном из своих писем Дмитрий Миладинов назовет болгарский язык „драгоценным богатством нашей народности“ и заявит патетически: „Фанариотите ще ни прокълнат, ще кажат, че българската писменост е противна богу, както са говорили по-рано. Мина това време, в тъмницата проникнаха слънчеви лъчи!“⁸.

В процессе роста возрожденческой личности в письме Панайота Волова Тодору Пееву (1 XII 1875 г.) действенное борческое сознание

⁷ В. Е. Априлов, *Съчинения*, С., 1968, с. 307.

⁸ *Българска илюстрация*, 1880, св. 8, с. 21.

поднимается до философского обобщения, до прозрения места и роли личности в истории:

Невольно ми дохожда на ума дали не сме още способни за тези мероприятия, за които сме се заели?... Но тези мисли са противни на моите убеждения, като считам че человек подготовлява епохата, затава, макар и да има с хиледи такива пречки отпредя ми, пак не мога се отрече от избраната един път за всегда цел!⁹

С введением печати публицистическая функция писем трансформируется в функциональный публицистический жанр — рождаются „открытые письма”, Петко Р. Славейков пишет свои многочисленные фельетоны в форме писем, много подобных образцов дает публицистика Ботева и Каравелова; позже у Захария Стоянова жанр публицистического письма достигает совершенства в серии „открытых” писем к отдельным личностям.

Для исследования психологии творческого процесса интересен вопрос о лексикальной и семантической близости между личными письмами и публицистикой у некоторых ярких личностей эпохи Болгарского Возрождения. Талант публициста проявляется несознательно в личной корреспонденции; не трудно открыть реминисценции между письмами и публицистическими проявлениями. Например, в письме Ивану Драсову (7 VII 1875 г.) Христо Ботев пишет:

вече отблизу сте познати с Херцеговинското въстание и знаете го по-добре от нас, доколко е общо и сериозно... да вдигнеме и нашия народ на бой за свобода и да си помогнем един другиму, като разделим силите на общия враг¹⁰.

Несколько дней позже (13 VII 1875 г.) в статье *Восстание в Герцеговине* (газета „Знаме”, бр. 22) Ботев снова пишет:

Въстанието в Херцеговина успява ... Сега е време да извикаме народът на въстание, и като разделим силите на общия враг, да помогнем и на себе си и на своите братия!

Этот и другие примеры (у Любена Каравелова, Захария Стоянова и др.) иллюстрируют тезис, что письма выдающихся личностей носят атмосферу их времени и зародыш поэтической или публицистической цельности, осуществленной позже в их творчестве.

Итак, публицистический характер писем, с одной стороны, и трансформация писем в активный публицистический жанр, с другой — очерчивает первое направление, в котором реализуется потенциальная возможность писем построить жанровую формация, войти в жанровую систему болгарской литературы XIX века.

Второе направление — это приближение писем к лите-

⁹ Ал. Бурмов, *Априлското въстание (Документы и материалы)*, т. II, 1952, с. 47.

¹⁰ Х. Ботев, *Събрани съчинения*, т. III, 1976, с. 224.

ратурным образцам, все еще неразвитым в литературе первой половины века, и не совсем жанрово дифференцированным во второй половине: рассказу или автобиографии, сатире или лирической прозе. В период позднего болгарского Возрождения, когда начался процесс обособления литературных жанров, появляются мысли относительно творческого процесса, анализ тем и литературных произведений — в письмах Л. Каравелова, Н. Бончева, М. Дринова и др., попытки проникнуть в творческий мир писателя, рассказы о первых замыслах художественных произведений¹¹. Так письма реализуют содержащуюся в них возможность для построения жанровой формации — эссе или психологической прозы, лирической исповеди или путевых заметок, которая дает возможность открыть в них различные этапы процесса создания художественного произведения, начиная с первоначального замысла до его творческой реализации.

На определенном уровне общественного познания, когда „с силе своего стиля в важности своего утверждения письмо становится предметом интереса само по себе, только тогда оно может быть названо литературным произведением”¹². Этот процесс является непосредственным отражением зарождения творческой индивидуальности, которая в конце периода Возрождения делается индивидуальностью творца. В письма хлынут мысли и наблюдения, несвойственные традиционному стилю — письма перерастают свою утилитарную функцию. Появляются письма, имеющие жанрообразующие признаки лирической исповеди — прежде всего в переписке Неофита Рыльского, Райно Поповича, Г. С. Раковского, П. Р. Славеякого и других.

Письма Неофита Рыльского насыщены многими чувствами, иногда они элегичны: „аз, уви, удален тамо, в оная п у с т и н я, без всякого такого драгого содружества якоже Вашего, не щем да имам никого подкрепления”¹³, иногда перерастают в патетическую исповедь:

...той [Венелин] желае да возобнови тоя болгарский народ, и да го воскреси от смерти забвения, и да го опознае с достопамятного свое писание с сичките просвященни народи европейски, тшастие Болгар!¹⁴.

Выразительно раскрыт пессимизм Найдена Герова при трудностях в решении церковного вопроса в письме Христо Георгиеву (24 IV

¹¹ В одном раннем письме своему учинелю Н. Рыльскому молодой Н. Геров сообщает о первых своих опытах в стихотворстве (23 VIII 1841) „Аз имам няколко басни, вакхически песни и други работи в стихове сочинени, като сочиня още няколко, ще ги напечатам; размер съм употребявал като русите, тонически. Отсреща Ви написях една басня, да ми кажете, одобрявате ли ги...”, [b:] Сбну, кн. XVI, 1916, с. 136.

¹² K. Beckson, *A Reader's Guide to Literary Terms*, London, 1961, p. 116.

¹³ СПС, XXXIV, с. 507—510.

¹⁴ И. Д. Шиманов, *Нови студии из областта на Българското възрождение*. В. Априлов, Н. Рилски, Н. Бозвели, С. 1926, с. 187.

1857 г.): „Тетивата на търпението ми, при всичката си дебелина и якота, най-после ся скъса”¹⁵, и т.д.

В период Возрождения выделяются как явление письма Найдена Герова, которые он пишет во время возвращения в Болгарию из Одессы в 1846 г. Он создает образец литературных писем в болгарской литературе, и то, что некоторые исследователи воспринимают их как путевые записки является еще одним доказательством их литературного характера. Это действительные литературные письма, созданные личностью с поэтическим зарядом мысли, творческим видением и художественным чутьем. Они являются лирическими исповедями, раскрывающими глубокую чувствительность автора. Преклонение перед родной природой доведено до восторга, увиденное, передано с поэтическим настроением:

Кога ся искачих горе на Чумена поляна, аз забравих, че съм наближил село; кога поразгледах наоколо Стара планина, какъв вид! Във вашите Херсонски пустини никакво описание не може да даде понятие Човеку за такова величествено нещо. Ние стояхме на това място, отдето Стара планина е отпуснала клон и на клона и на хребета високите върхове огряло слънце, а по-ниските покрил облак. Из по-високи дерета изскачат кълбе мъгла и ся търкалят по планината, докле да паднат пак в някое дере или да ся разстелят по полето. По всичка Стара планина, колко око види, надлъж ся провялякъл облак като пояс. А от върха ѝ ся извил над полето до отерещний слон един полукръг, колкото може да бъде ясна дъга. Тоя вид бе по-висок от всякакво описание¹⁶.

*

*

*

Письмо из реальной переписки является динамично развивающейся системой в направлении утверждения личного, индивидуального стиля автора, и активного отношения к эпистолярной традиции. Эти процессы находятся в прямой связи с ведущей функцией писем как средства социального общения и обуславливает характер документа.

Письма возрожденцев „личностные”. Они выходят из сферы бытовой переписки, но, оставаясь „частными письмами” с сильным публицистическим звучанием, визируют этап появления творческого восприятия света, проявления художественнообразного мышления возрожденцев.

В реализации индивидуального утверждения личности в период Болгарского Возрождения обособливаются и два направления в жанровой дифференциации писем — публицистичность писем в приближение их к литературным образцам. Активный фактор, обуславливающий этот процесс — это полифункциональность писем.

¹⁵ Из архива на Найдена Герова, т. I, С. 1911, с. 225.

¹⁶ Възрожденски пътеписи. С. 1969, с. 90.

LISTY W SYSTEMIE RODZAJÓW LITERACKICH PIŚMIENICTWA BULGARSKIEGO W OKRESIE ODRODZENIA

STRESZCZENIE

W niniejszym artykule określa się miejsce, jakie zajmują listy w systemie rodzajów literackich w literaturze Odrodzenia bułgarskiego w XIX wieku.

Cechy charakterologiczne osobistej korespondencji zorientowały analizę naukową w dwu kierunkach: po pierwsze — analiza listów według ich funkcji, i po drugie — konkretyzacja listów w systemie rodzajów literackich literatury bułgarskiej okresu Odrodzenia. Określenie prymarnej, wiodącej funkcji (list jako środek komunikacji społecznej i jako dokument) i sekundarnej, funkcji artystycznie modelującej (przekształcenie listu w zabieg artystyczno-narracyjny) stanowią zasadę analizy.

Początkowa sfera realizacji sytuacji epistolarnej (nadawca — list — odbiorca) określa monofunkcjonalność listów. Powstająca w XIX wieku sytuacja kulturalno-historyczna narzuca warunki, w których prymarna, wiodąca funkcja listów realizuje się na innym poziomie stosunków społecznych, stopniowo się wzbogaca osobowościowa obecność w listach, dochodzi się do „mnogości” adresata. Tak powstaje druga warstwa w hierarchii epistolarnego kontaktu, który się charakteryzuje polifunkcjonalnością listu. Pojawienie się określonej formacji rodzaju literackiego w listach pozostaje w bezpośrednim związku i w zależności od ich funkcji. Omawia się również zagadnienie specyfiki listu osobistego.

Wyodrębnione zostały dwa podstawowe kierunki, w których realizuje się powstanie formy rodzaju literackiego i włączenie jej w system rodzajów literackich piśmiennictwa bułgarskiego w XIX wieku: publicystyczny charakter listów i ich transformacja w aktywny gatunek publicystyczny oraz przekształcanie listów z realnej korespondencji we wzorce literackie, wciąż jeszcze nie rozwinięte w piśmiennictwie pierwszej połowy wieku i niezupełnie sprecyzowane w drugiej połowie — traktat polityczny lub proza psychologiczna, wypowiedź liryczna lub dziennik podróży. Aktywnym czynnikiem warunkującym ten proces jest polifunkcjonalność listów.

Przełożył Tadeusz Szymański

THE EPISTLES IN THE GENRE SYSTEM OF BULGARIAN RENAISSANCE LITERATURE

SUMMARY

This article defines the place occupied by epistles in the genre system of 19 century Bulgarian Renaissance literature.

The personal epistles' characteristic peculiarities led the scientific analysis into two directions: firstly—functional study of epistles and, secondly—specifying epistles as to the entire genre system of Bulgarian Renaissance literature. The basic approach in the analysis comprises differentiation of the primary, leading function (the epistle as a means of social communication and as a document) and of the secondary artistically shaping function (transforming the epistle into an artistically narrative device).

The initial sphere of realizing the epistolary situation (addresser—epistle—addressee) defines the epistles' monofunctionality. The cultural and historical situation arising during the 19th century imposes conditions under which the

epistles' primary, leading function is realized at a different level of social relations; the presence of the person in the epistle is gradually enhanced, thus leading to the plurality of the addressee. In this way, the second layer in the hierarchy of the epistolary contact is established, this layer being characterized by the epistles' multifunctionality. The appearance of a definite genre formation in epistles is directly dependent upon their function. There arises also the question about the nature of the personal epistle.

This article defines two main trends for realizing the epistle's potential capacity of building up a genre form, and of being included within the framework of the genre system of 19 century Bulgarian literature: the epistles' publicistic nature and their transformation into a publicistic genre, as well as the epistles' coming closer from a pure correspondence to literary samples, still not fully developed during the first half of the century and not fully specified as genres during the second half — a political treatise or a psychological fiction, a lyrical confession or travel notes. The active factor, conditioning this process is the epistles' multifunctionality.

B.U.F.